

Шамшадинов Э

14/11-86

Цирк —

Светлый дар Энвара Шамшадинова

Когда конференсье бодрым голосом объявляет: «Весь вечер на манеже клоун...», вы невольно расслабляетесь, устраиваетесь поудобнее в кресле в предвкушении веселого и беззаботного времяпрепровождения. Сейчас из-за кулис появится тот самый чудак и озорник, который заставит вас, потеряв всякую солидность и позабыв о возрасте, смеяться и бить в ладоши.

В первые мгновения, когда на манеж выходит Энвар Шамшадинов, все, наверное, бывает именно так. Но только в первые мгновения...

ВЫСОКИЙ худощавый человек («почему на нем нет пестрого клоунского костюма и привычного броского грима?» — начинаете недоумевать вы) несет круглый щит. На нем нарисована яркая жизнерадостная физиономия. К таким щитам мы привыкли как к не-пременному атрибуту зазывающей цирковой рекламы. Привыкли видеть их у входов в большие и малые цирки, шапито и аттракционы. Но вдруг щит преворачивают. На обратной стороне его — крохотный манеж. За непомерно толстые канаты Энвар раздвигает его борта. Мановением руки зажигает вокруг прожекторы. Выходит на свою игрушечную

арену. Пусть она мала — не сравнить с той, большой, — но зато здесь все искренне, все по-настоящему. Здесь ближе кажутся лица зрителей. И, смотрите, здесь столько всего умеет этот странный, немного грустный клоун.

Энвар Шамшадинов играет в той на первый взгляд неброской, «неклоунской» манере, которой дал в свое время жизнь Леонид Енгибаров. Но работать «под Енгибарова» пытаются многие. Сколько ставят его репризы, создавая новые и новые жалкие подделки. Герои же Шамшадинова живут на манеже по-енгибаровски открыто, ранимо, но живут своей собственной много-

гранной, многоцветной жизнью.

«Я совершил бы непростительную ошибку, если бы пытался кому-нибудь подражать. Каждый человек должен оставаться самим собой. Это очевидно до банальности.

Думаю, естественно стремиться делать то, что умеешь делать. Важно только вовремя научиться понимать, что же именно ты умеешь. За всем сразу не угнаться. Мне кажется, для меня и моего дела полезнее, если я работаю в той области, где могу сказать что-то свое и где для этого у меня найдутся необходимые средства».

Судьба Энвара Шамшадинова очень похожа на судьбы многих цирковых артистов. Увлечение самодеятельностью в родном Горьком. Московское цирковое училище. Стажировка у замечательного мастера, народного артиста СССР М.

Румянцева—Карандаша. Казалось, все идет гладко. Но Шамшадинов ждал от клоунады большего, чем просто развлечения, даже на высокопрофессиональном уровне.

«Часто слышу: клоун должен быть прежде всего добрым. Ничего подобного. Он может быть и злым, и ироничным, и, если хотите, ядовитым. Смотря о чем он говорит. Ведь рассказывать о добром и беззаботном всегда гораздо легче, чем о том, что беспокоит и тревожит.

Настоящий клоун — всегда личность. Личность неординарная, со своим взглядом на мир, на жизнь, определенным человеческим опытом. Это как раз то, почему не становятся клоунами ни в восемнадцать лет, ни даже в двадцать».

Репризы Энвара Шамшадинова при всем их различии объединяет одно общее настроение. В них постоян-

но ощущаешь взгляд самого артиста, его отношение к своим героям. И в нем, пожалуй, есть вся та гамма, о которой говорил только что Энвар. От доброжелательности, мягкой иронии он иногда в течение одного номера переходит к откровенному сарказму. И все-таки не покидает ощущение внутренней глубокой связи между артистом и его персонажами, нежности, боли, иногда и гордости за них.

«Понятно, когда что-то создаешь, ты же не можешь раздвоиться. Какая-то часть тебя самого переливается в твою работу.

...Некоторые считают мою манеру игры сухой, скуповатой, что ли. Говорят: рассчитываешь номера на взрослых. Мало всяких «колочек». Дети, дескать, не поймут, не примут. А по-моему, зритель в любом возрасте понимает тебя лучше, если говорить с ним без заигрывания.

А дети... То, что они еще не могут понять умом, они почувствуют. Да, для них клоун всегда интересен тем, на манеже. А подходит близко — многие попросту пугаются: костюм, грим — уже не такой, как все кругом, необычный какой-то. Да еще смотрит. А взгляд далеко не всегда бывает добрый и ласковый. Его не загромождаешь.

Я счастлив тем, что когда подхожу близко, дети просто и очень живо интересуются тем, что же я сейчас буду делать. Это не так-то просто и пришлось только в последние годы».

На мой вопрос о том, как рождаются его репризы, Энвар только улыбнулся. Разве можно сказать, как получается номер? Когда и откуда впервые приходит мысль о нем, какой иной раз непредсказуемый или запутанный путь потом проделывает?

«Учитель пеня» возник под впечатлением короткого рассказа Леонида Андреева. Помните, сатана, попавший на землю, сталкивается с человеком гораздо более испорченным, чем даже он хотел бы его сделать. Так возник номер, который назывался «Менфистофель». Он шел под известную арию, а она уже и потянула за собой «Учитель...». Но разговор по-прежнему остался серьезным. Ученик вместо благодарности обирает в полном смысле до нитки своего учителя. Что может быть страшнее!..».

Сомнения, размышления, трудности, которые приходится преодолевать и пере-

живать человеку на манеже, немногим отличаются от того, что переживает художник, добывающийся получения особого цвета, или писатель, десять раз зачеркивающий и начинающий все сначала в поисках единственно возможного варианта.

Шамшадинов не терпит в своей работе приблизительности. Вот и про «Учителя пеня» он говорит, что он кажется ему неоконченным, недоработанным. А ведь он показывает его уже шесть лет.

«Трудно работать без режиссера. Ведь так нелегко жить и в то же время наблюдать за собой и своей работой как бы со стороны. Время идет. Что-то забывается, стирается. Клоун же вообще существо недолговечное. Стоит ему перестать выступать, и его больше не существует».

Цирковые артисты говорят, что самое трудное — каждый вечер воскрешать атмосферу волшебства, колдовских каких-то чар, с помощью которых и удастся объединить людей в зрительном зале. Если хоть на миг ослабишь напряжение — просто вздохнешь или выкажешь усталость — сразу все идет насамадку.

О своих взаимоотношениях со зрительным залом Энвар Шамшадинов рассказывает в одной из своих реприз. Его незадачливый герой ставит на старенький разбитый граммофон пластинку, на которой записан смех, — заразительный, веселый, искренний. У него пытаются отнять его «богатство». Он защищает его, но, увлекшись успехом, падает, — и хрупкий диск рассыпается по ковру множеством осколков. И тогда Энвар бросает в зал кусочки своей маленькой веселой пластинки. Там, где они «падают», загорается свет и вновь рождается, теперь уже в зале, смех.

Л. МАНДРАКОВА, студентка факультета журналистики МГУ.
Фото Л. МАШАНОВА.

14 FEB 1986

г. Караганда